

Николай Фирсов

Сделочный цвЕток

Рассказ

Николай Фирсов

Сделочный цветок. Рассказ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23461757

ISBN 9785448358517

Аннотация

Предлагаю Вам окунуться в мир забавных историй, что произошли с Николаем и Алисой, детьми миллионера, которые должны были заслужить богатство их отца.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сделочный цветок

Рассказ

Николай Фирсов

*Посвящается Василию
Моему глубочайшему другу
Декабрь 2015 года*

© Николай Фирсов, 2017

ISBN 978-5-4483-5851-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Наследство Альберта Олеговича Фирсова

В меру тихий и в меру скучный провинциальный городок, по названию Живолоторойск, представлял собой русскую глубинку, имевшую неподдельную схожесть со всеми русскими городами. Его население было небольшое и совсем беспечное. С утра до ночи некоторые его жители проводили время в драках и шумных пьянках, продолжавшихся порой до утренних автобусов, которые несли людей с ветерком до работы. Серый транспорт и унылые дома, что выстраивались на окраине, не прибавляли весенней радости обитателям городка. Среди рабочих, служащих и проживающих был и я – Николай Фирсов, сын Альберта Олеговича Фирсова, держателя небольших дорогих магазинчиков фирменных, модных вещей. Я проживал с папенькой и своей любимой сестричкой Алисой, моей ровесницей, в трехэтажном доме из красного кирпича, по улице Энтузиастов, с порядковым номером сорок восемь. Наш дом находился рядом с улицей Степки Разина, около ателье «Приплыли». Денег в семье, ну и у меня, было много – я их не считал, а только тратил в свое удовольствие, как правило, ни в чем себе не отказывая. Так протекали мои беспечные годы. Потом судьба при-

вела к тому, что меня отправили в институт учиться. В город намного помассивнее и краше того, где прошли мое детство и беспечная юность. Именно в этом новом городе и разгулялась моя душенька. С Божьей помощью, по настоянию родителя и личным непосильным трудом я все-таки окончил институт и сразу прибыл к папаше – вместе с заветным дипломом вручив ему и бумажку со своими личными пожеланиями в честь получения высшего образования. Желания мои были скромные, и их нельзя сравнить с запросами родной сестры, которая заказывала подарки из дорогих каталогов. Она тоже прибыла из другого института, с такой же бумагой и, как ни странно, с таким же приложением. Правда, моя умеренность в выборе подарков оценивалась на шестьсот тысяч меньше, чем у Алисы, так как я заказывал одну вещь, новую, а именно – BMW третьей модели за миллион четыреста. Та же, руководствуясь женскими капризами, просила даже не море, а океан безумно дорогих вещей, так что я даже не стал вдаваться в расспросы. Да, нужно отметить, что наша матушка умерла, когда нам с сестрой стукнуло четырнадцать лет, и отец часто шел у нас на поводу – лишь бы мы не закатывали ему каждодневные вечерние концерты.

Наш папа – Альберт Олегович – человек невысокого роста, коренастого телосложения, с военной выправкой. Именно его гордая осанка и тяжелый взгляд выдавали его былое прошлое военного офицера в ранге майора. Его список заслуг перед государством был огромен, несколько медалей,

он с гордостью произносил, за что они были ему присвоены. Но та самая страна его не оценила, и он ушел в запас, где и решил строить свой бизнес. Мелкими шажками, где-то наугад, хватая шишки, он выстраивал свою империю по примеру своей любимой казармы. Все время уходило на работу, любовниц и отдых. Поэтому дома появлялся редко и за детьми особо не следил. После смерти жены Альберт Олегович все пуще отдавался предпринимательской идее. Его взгляд на жизнь и философия отставного вояки были предельно просты и логичны. Каждое его философское умозаключение, произнесенное при свидетелях, тщательно запоминалось и при возможности записывалось. Особенно запомнилось его выражение: «Запомни! Ты несешь ответственность за себя, жену и любовницу». Но про нас он забывал. Нас он отдал на попечение нянюшкам и своей тетке Нине, что приезжала из Буйска, кстати, не одна, а со своими толстыми племянниками, и мучила нас с сестрой своей заботой. Несколько раз на дню спрашивала, хотим ли мы кушать или чем нас сегодня кормить. Папочка старался не замечать наших жалоб, а откупался деньгами. Хотя, справедливости ради, его партнеры не раз выговаривали по дружбе: «Альберт, детки твои бегают, ищут папку, а он все на работе, иди-ка ты домой». Но папочка только отмахивался, работа, одна работа, некогда, а может, впрочем, он и не знал, что с нами делать. Так и протекали его годы, пока после долгого обучения не явились мы – продолжатели рода Фирсовых.

Отец сначала было обрадовался нашему приезду, но после того как узнал, чего мы хотим взамен после пятилетней каторги, слег в постель и две недели не выходил из комнаты. Скорее всего, в своих расчетных планах он уже рисовал себе, что мы продолжим дело семьи, но пробелы в воспитании, которые он же и допустил, легли на его душевный покой тяжким бременем. Мы с сестрой веселились, отмечали бурно наше возвращение, даже слишком бурно. Кончилось все тем, что я влетел на папиной машине в наш собственный забор. За сестрой тоже водились грешки, но какие точно, сейчас и не вспомню. Последней каплей папиного терпения стали абрикосовые деревья, что садовник высадил вокруг дома. Уж очень Альберту Олеговичу согревали душу эти цветущие красавицы. Слуги поговаривали, что под сенью этих абрикосов он даже пытался петь, хоть и фальшиво, стараясь поймать нотку своей любимой оперной певицы, что опутала его любовью среди этих прекрасных деревьев. И каков же был его ужас, когда утром он увидел памятники своего прекрасного чувства срубленными – они лежали на земле и жалобно смотрели в окно, которое находилось на втором этаже, где мелькала фигура хозяина самых модных бутиков города. После этого у отца начался жар вперемешку с бредом. Правда, ему пришлось выслушать мои оправдания – как я, будучи навеселе, на спор с сестрой рубил их всю ночь. Однако раскаяние не помогло.

Но все изменилось в одночасье! А начались эти измене-

ния с гнусной ухмылки управляющего нашего дома и заведующего всеми делами отца. Он пригласил нас в комнату к родителю. Она была заставлена заграничной мебелью и аккуратно застелена дорогими коврами, на всех полочках стояли украшения-сувениры, привезенные под заказ из разных стран, и бухгалтерские бумаги с полным отчетом обо всех скучных финансовых операциях. На постели возлежал наш бледный и высохший отец. Его тяжелые черные очи еле открывались, в отличие от веселых глаз амурчиков, которые лукаво смотрели на нас с сестрой с картин эпохи Ренессанса. Мы притихли и стали ждать. Наконец послышался тонкий голосок вместо некогда сильного баса: «Подойдите ближе, дети мои, дайте я вас разгляжу». Мы с сестрой сделали резкий шаг вперед.

Болезненный голос продолжал:

– Мне, мои голубчики, осталось жить, как говорят наши врачи, всего год, я по заветам вашей матушки – о, как она была чертовски хороша, – я должен обеспечить вас – оставить вам целое состояние, а именно – семь магазинов. Но мне представляется это губительным, так как вы не способны управляться и со своими деньгами, то есть моими, прогуливая и тратя их.

При этих словах Альберт Олегович приподнялся, взгляд его стал таким пронзительно-острым, как у орла при последней атаке, так что у меня, признаюсь, сердце прихватило.

– Я уж не раз наблюдал, как мои деньги, добытые тяжким

трудом, улетают из ваших беспечных рук, – продолжил родитель. – И попадают всяким проходимцам.

Голос его почти что трещал.

– Надежды на выздоровление у меня нет. И я вам завещаю последнее: все мое богатство достанется одному из вас на двух неоспоримых условиях. Первое – тот, кто станет его обладателем, должен до конца жизни заботиться о втором. Второе – тот из вас получит все мое наследство, кто окажется способен сам себе подарить подарки, которые вы так нагло у меня запросили.

В этот момент болящий для пущей убедительности поднял над головой руку с нашими пожеланиями и зловеще помахал ими перед нашими носами.

– Но я усложню вам задание: вам необходимо прибыть в разные города, я сам их укажу, с определенным количеством стартовых денег и заработать себе на подарки. Но если вы не справитесь с заданием, то я (клянусь всеми святыми – в присутствии двух свидетелей, моего управляющего и нотариуса, что достопочтенно стоят по левую мою руку) все свое наследство завещаю голодным детям Африки.

Последние слова отец докрикивал, как очумевший старик, – я потерял дар речи, сестра плакала. Но его суровый голос снова повторил:

– Кто через год, начиная с этого дня, купит себе свои же подарки, тому достанется все мое наследство.

И как бы в подтверждение того, чего мы можем лишиться-

ся, стал перечислять наследство – двести шестьдесят миллионов рублей, шесть миллионов долларов и сорок миллионов юаней. Семь магазинов с месячной прибылью в пять миллионов рублей.

От этих безумно шальных цифр у меня закружилась голова. Везде все помутнело. Что-то орущее вырвалось из сердца и закричало.

– Что? – Его речь сбивала меня с ног. – Я же, папа, сынок ваш, кровиночка ваша, я же, папа, вас любил как никого! Папочка, – я упал на колени, я полз к постели, мои слова кричали, за что? В ногах путалась сестра, она тоже ползла, не говорила, просто плакала. Рыдала, я ее отталкивал от себя. Пристав с кровати, я пытался всмотреться в папино лицо, оно было непреклонно, я пытался пойти на последнее. Правой рукой показывая на сестру, я почти заорал:

– Этой все, мне, – я ударил в грудь рукой, – ничего! Да она спустила в Италии сорок тысяч евро в первые два дня в магазинах на тряпки.

Сестра пыталась что-то ответить, не смогла, стала задыхаться и грозно на меня посмотрела, дав мне понять, что после моих слов мы – кровные враги.

– Ты! – отец посмотрел грозно. – Мне тебе напомнить, что ты натворил?

Я умолк: к чему оправдания, когда я прекрасно знал, что отец на ветер слов никогда не бросал. Без слов мы поняли с сестрой, что нужно делать – упаковать чемоданы, купить

билеты в вагон люкс (отголосок недавней роскоши) и ехать в разные концы. Так мы и сделали. Поезд с огромной скоростью нес меня в город N, где я ни разу не был, но только слышал, так как раньше там жила папина тетушка, которая то ли умерла от гангрены, то ли ее хватил сердечный приступ. Впрочем, это было неважно.

В этом противном вагоне, что уносил меня из рая, у меня аж прихватило в груди, нелепо: в таком молодом возрасте – и уже больное сердце, жизненные потрясения, я чувствовал, что старел. Казалось, на плече приземлился седой волос, потом еще один. Ой, мрак! Мне было плохо, меня знобило, чертова несправедливость, ну ладно сестра, эта громогласная змея, как она мне противна. Я пытался встать, ноги не слушались, я присел, может, заплакать? Да нет, я выиграю. После моих страданий я мог разглядеть соседа, это был молодой парень, лет около двадцати, с чугунным лицом без капли способности к эмоциям. Я смотрел на его белую кофту с капюшоном и глупой надписью на английском, что возвещала очередное, триста двадцать восьмое сборище скейтбордистов. И его телефон от американского производителя в новом золотом цвете. И его взгляд, погруженный в заграничную новинку. Казалось, его ничто не могло отвлечь. Даже когда я стал разговаривать с ним, он не произнес ни одного слова. Но его движение мускулами началось, когда я стал описывать свое положение и эту чертову игру; он даже оторвался от игрушки, когда я стал перечислять папины богат-

ства и как я их распределю после его смерти и победы над сестрой.

Я считал мои деньги с гордостью и с привкусом несправедливости.

Ой, подсчет был хорош, аж семь магазинов – вырвалось у меня. И я, загнув пальцы, продемонстрировал семь, но сбивался, на второй руке надо показать три пальца или два, все-таки два, и я еще раз потыкал ему в лицо: семь – это пять миллионов, я для убедительности покачал головой, недурно для Живолоторойска, причем чистая, без всяких там тинтин. Лицо моего собеседника приблизилось ко мне, рот открылся до огромных размеров, и казалось, что он меня вот-вот проглотит. Я решил подыграть, коль завидует, пусть лучше это делает, и, нагнувшись, промолвил:

– Если станет туго, один продадим, и я назначу управляющего Ивана, а что ему делать? Ходит с бумажками туда-сюда, ничего путного все равно не делает! Мне в месяц даже четыре..., – дальше я запнулся, не смог выговорить – шестисот миллионов, про себя проговаривая миллионов, – или, ай, да хватит. Да, недурно, яхта, BMW седьмая, плюс еще третья для выездов, Land Cruiser черный, а может и синий Range Rover, что, плохо, что ль? – спросил я незнакомца. – Дом можно трехэтажный. Плюс счета в банке, да папа недурно скопил на старость, вот она любовь, черт бы побрал их всех.

Потом я стал рассказывать свой план, как стану счастливым и доберусь до своего законного наследства.

Глаза моего молчаливого собеседника округлились от услышанного, он запнулся, стал кашлять. Его глаза голубого цвета бегали, наверно, думал, как нагреть руки, но уж нет. Я не такой наивный юнец. Я всматривался в его слегка приоткрытый рот, его кожа белела, безумная радость появлялась на его лице, наверно, он сходит с ума. Я продолжал, будто не замечая изменения своего собеседника.

– Для начала надо устроиться работать, – продолжал я, – по профессии, там можно скопить деньги, если ничего не есть, а можно занять, потом отдам, банки дадут кредит, через пять месяцев вот уже и BMW, да-да, интересно, что эта дура Алиса будет делать?

– Действительно, – в мой монолог включился, как казалось уже немой, сосед. – Денег много, есть куда развернуть-ся. Ты откуда родом будешь?

– Я! – бездумно ответил я, – с Живолоторойска же, сядил-ся на станции.

– Да, да, – покивал он мне головой, его мозговая активность дошла до предела, так что он даже опрокинул голову. – Знаем такой городок, а ты Таню не помнишь Мешкову?

– Мешкову, Таню. – В голове мелькали мысли. – Да в городе живет триста человек, всех там не упомнишь.

– Да нет, Таньку все знают, а она живет на улице Ленина.

– Ленина, – я не понимал, потом, до меня не дошел этот вопрос, улица Ленина есть в каждом городе, что смеет себя называть городом, но я не мог припомнить у себя, где она.

Нет, точно нет.

– Ну, рядом, вспомни, – он не отставал.

– Я не знаю, я живу на улице Энтузиастов, рядом вроде нет таких улиц.

– Энтузиастов, а, – он отклонился в сторону. – Леху, что живет в двадцать третьем доме, ты знаешь?

– Да не, – я возмущался.

– Да как нет, точно живет!

– Я в сорок восьмом живу и никаких Лех не знаю.

– Это то, что с красной крышей?

– Да, – я услышал что-то знакомое, – частный, с коваными воротами, трехэтажный.

– Все, я понял, проходил там, где твои папенька с маменькой.

– Да мама умерла!

– Точно, – он погрозил пальцем, – да кому теперь достанется такое богатство?

Он уже засобирился, встал, достал свой небольшой багаж, но его что-то притормозило.

– Папу твоего как кличут?

– Как-как, Альберт Олегович, – посмотрел я на него подозрительно: чего он все вынюхивает?

Я о чем-то хотел его расспросить, но он в ответ засобирился и прокричал мне, что ему пора, пока. И со всем своим багажом выскочил в тамбур. Я потом узнал у проводницы, что он высадился в глухой деревне, где у поездов перевалоч-

ный пункт, и растворился в надвигающейся темноте.

Дальше история разворачивалась по интересному сценарию.

Глава 2

Мошенник Алексей

Если кто-то знал этого московского хулигана с Большой Каретной, его интеллигентские замашки и творческие способности, то у них всегда возникало всего два простых желания: перейти дорогу от него подальше или подойти и хорошенько его ударить, можно и с разворота. Да, он часто был обцелован дамами, оставшимися, правда, без украшений, но зато горестно страдавшими об утрате такого актера. Некоторые утверждали, что по нему плачет МХАТ. Некоторые дамы с пеной у рта доказывали, что он, весь обворожительный, знойный и всегда желанный, – нереализовавшаяся звезда московского театра, несостоявшийся кумир миллионов. Женщины защищали, приукрашивая своими накрашенными губами его биографию, – называли сыном какого-то олигарха или великого актера из Италии. Некоторые поговаривали, что его вырастил монах. Никто не мог сказать точно, кто он и откуда. Никто даже не помнил его фамилии. Но если немного погулять по Москве, а лучше добраться на транспорте в район Гольяново, то между жилых домов на Камчатской улице вы встретили бы всегда пьяного дворника. Его зовут дядя Ваня, он бы много рассказал вам историй про Лешку.

Правда, мало кто встречал дворника, да и кому он был нужен. Главное верить.

Парень покинул вокзал и глазами рыскал в поисках такси. Несмотря на молодой возраст, жизненный багаж его оказался огромен, особенно способности утаскивать деньги из наивных рук. Его разыскивала наша полиция не первый год, и он мелькал во всех хрониках как профессиональный мошенник, что втирался в доверие, особенно к юным дамам. Обольстительный кавалер, гроза мужей и их имуществ. Его молодая кровь тянула на авантюры, но кроме того, что ему влетало, он неоднократно был избит за свою деятельность, и не раз предупрежден блюстителями закона.

И на этот раз он был в бегах.

Его дела все равно шли из рук вон плохо, и единственная надежда, что могла прибавить ему силы, – это сегодняшний дорожный друг, рассказавший историю богатства больного отца. Второй причиной, что заставила его так спешно покинуть поезд, была мания преследования, что так его тревожила. Всю жизнь ему казалось, будто в соседнем вагоне, что мчался рядом, сидели его жертвы, а именно мужья обманутых жен и хозяева украденного имущества, банкир Васенков, который с удивлением узнал, что в колоде карт бывает шесть тузов, и вожатая Сонечка, у которой уперли любимый подарок ее рогатого мужа. И когда настанет ночь, они подойдут к нему и устроят правосудие.

Он шел по аллее, полностью окруженной цветами, что

второпях высаживали рано утром в парке. Ограбить дом представлялось невозможным, выкрасть деньги – также глупой задачей, на работу он меня не возьмет, да и кем? Оставалось сумасшедшая идея, но можно ее использовать, прикинуться вторым сыном, то есть третьим ребенком от несчастной любви. Если он богат, у него должны быть любовницы, надо просто найти распространенное имя, сказать, что она от вас забеременела, и все, дело в шляпе. Любой богатый мужчина должен познать много женщин, и этот не должен быть исключением. В голове полетели варианты, какое имя самое распространенное. Лена? Да, у меня много подружек с таким именем. Но это просто имя, в нем нет никакой изюминки, ни капли вдохновения, не люблю, м-м, может, Настя? Нет, точно, вообще не в какие границы не лезет, нет, от этого женского имени только одни беды. Ужас, кто его вообще придумал?

Мимо выдумщика имен, что отвергал прекрасные женские имена, протекали старые дома, обнесенные забором. Ночная мгла, что опустилась на город, слегка разгонялась уличными фонарями, освещавшими дорогу мошеннику. Кругом расплзались различные имена, они прятались, ютились в каждом освещенном углу улицы: Мария, Аня, Полина, Ксюша, Ирина. Вот радость! Точно, у него была Ирина. Счастливый, он побежал окрыленно, добравшись в город Живолоторойск на такси. Он остановился около самой улицы этого дома, по указанию попутчика, повторив про себя

всю уже в дороге заготовленную речь, и позвонил в звонок, и стал ждать.

Но его нахальство не знало, что происходило после выезда чад из этого дома, и губило весь план. Как только кровные дети выехали, с ними из дома побежали как тараканы слухи, которым знакомые и близкие приделали дополнительные ноги. В этот дом после девяти утра повалили все, кто хоть как-то знал Фирсовых. В надежде, что больной станет щедрым, просили все и вся. Женщины падали в обморок, мужчины вспоминали былую дружбу, появлялись доброжелатели, почитатели, забытые любовницы и страждущие, умирающие. Все падали на колени, кричали, пытались свести счеты со своей жизнью, кто-то клялся в вечной любви, но все требовали только одно – денег! Лучше нам, чем Бог знает кому, да еще и в Африке – было главным аргументом всей концессии. Отбиваться против всех пришлось, как обычно, домоуправляющему Ивану. Он уже был готов разгонять всех силой, так как толпа буквально чуть не штурмовала ворота несчастного дома. Битва за Саларийские ворота в этот раз окончилась неудачно. Толпа знакомых, родственников и соседей, поняв, что добиться, как, впрочем, и всегда, ничего невозможно, разошлись с горькими упованиями и яростными проклятиями. И вот напоследок, когда все оставшиеся домочадцы уложились спать, последовал этот тянувшийся наглый звонок, не давая спокойно встретить следующий день.

Иван, отправившись к воротам, спокойно прокричал:

– Кто там?

– Здравствуйте, мне Альберта Олеговича.

– Юноша, – голос Ивана был строг, – что вам надо?

– Мне по важному делу.

– И какому, извольте сказать?

– Личному.

Что-то тут неладное, десятый за вечер, подумал Иван и продолжал:

– Если вы проситель денег, то я вам сразу говорю, что ни копейки не получите.

– Да что вы душу мою терзаете, – вдруг неожиданно завопил молодой человек. – Вам, в такие года, убивать молодую кровь?

Алексей понял, что сказал что-то бессвязное, но дело стоило выделки, и он продолжал:

– Я что, пройдоха какая? Я что, собачий сын? Мне к папке надо!

– К какому еще папке, что вы тут несете?

Падение на колени, начавшись на улице Энтузиастов с самого утра, видимо, имело продолжение до глубокой ночи. Алексей упал на асфальт и завопил:

– Я сын Ирины, той самой, что мой отец покинул в самом начале беременности. Мне ничего не надо, просто папу увидеть, хоть одним глазком взглянуть на кровиночку, мельком, что же я, не заслужил, что ль? За всю проклятую жизнь!

Альберт Олегович, что стоял за калиткой, так как на крики спустился вниз, услышав фразу, призадумался. Ему в голову пришли воспоминания о юной и нежной Ирине, студентке первого курса. Как он для любимой таскал ее сумку, признание в Парке Союзов в любви, как он ей доставал розы с помощью теткиных связей в то непростое время. Потом слезы, расставание, пощечина. И только редкие письма о невозможности никакого общения. Дети от Ирины, глупость. Он открыл дверь, увидел нахальную рожу Алексея и резко ему заявил:

– Вы, братец, плут, да еще мошенник!

– Папочка, – продолжал ломать комедию неудавшийся актер. Алексей был готов на отчаянный шаг.

– То есть твоя мама – Ирина Владимировна, коль я так понимаю, правильно? – Альберт Олегович взглянул на блудного сына.

– Да, извините, что я так поздно явился, я не прав, мамочке плохо моей стало, и вчера вообще отдала душу Богу, а я брошен, брошен на краю пропасти.

Всхлипы, жалость – вот что вызывал один его несчастный вид.

– Папа, – от слез он уже не мог говорить, заикался, бился об асфальт головой. – Прости меня, это так бездушно, мне больше некуда податься, я один сиротка на земле, мама только долги оставила, и все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.